

Певица Инна Желанная — в интервью «Газете»

«Когда у нас что-то становится модным, это доводится до абсурда»

24 февраля в клубе «Апельсин» певица Инна Желанная представит новую программу с новым составом музыкантов. Об этой программе, о своих музыкальных пристрастиях, об опыте работы на телевидении певица незадолго до концерта рассказала Григорию Дурново.

Как образовался этот состав, почему вы выбрали именно этих музыкантов?

Потому что они лучшие! С бас-гитаристом Сергеем Калачевым мы работаем вместе уже много лет, так что про него все понятно. Про барабанщика Андрея Романику и Аркадия Марто, который у нас играет на клавишах и занимается электроникой, тоже стало все понятно, после того как я с ними поработала в рамках проекта Safety Magic. Скрипач Артем Якушенко из группы «Белый Острог» вообще ни в каких представлениях не нуждается. Мы с ним давно знакомы, лет пятнадцать — правда, вместе раньше не играли. Сначала думали пригласить еще какого-нибудь гитариста, но потом поняли, что гитаре у нас нечего делать, аранжировки перегружать не стоит. Хочется отойти и от гитары, и от духовых, все это уже было.

То, что вы делали в группе Farlanders, уже пройденный этап?

Для меня пройденный. Для остальных, может быть, еще нет.

В какой момент вам стало ясно, что все уже закончилось? И почему?

Наверно, году в 1999-м. Уже тогда появилось ощущение, что мы начинаем топтаться на одном месте. Не было никакого развития, и всех это устраивало. Наверняка в этом есть доля и моей вины, потому что я приносила мало нового материала. Но, честно говоря, и не хотелось. Я, конечно, запоздала с уходом, надо было давно уже это прекратить.

Знаете ли вы, что сейчас вместе с певицами Ольгой и Таисией Краснопевцевыми делает Сергей Старостин — ваш бывший партнер по Farlanders?

ФОТОГРАФ: РОМАН МУХАМЕТЖАНОВ/ГАЗЕТА

Что-то слышала. Похоже, мы с ним пошли совсем в разные стороны. Он продолжает углубляться в фольклор, а мне это слово никогда не нравилось. Русские народные песни я использую, но последний раз брала их уже не у Старостина, а купила записи в Российском фольклорном союзе. Потом слушала их с утра до вечера в машине. Через месяц начало подташнивать, я зверела. Но я понимаю, что это должно где-то отложиться и потом прорасти.

Как вы относитесь к нынешней повальной моде на использование народных элементов в музыке?

Когда у нас в стране что-то становится модным, это обязательно доводится до абсурда. Раньше я соглашалась со Старостиным, который говорил: «Лучше так, чем никак». Я думаю, это вроде заразной болезни, которой всем надо переболеть, чтобы зарабо-

тался иммунитет и осталось только что-то стоящее, а вся шелуха отвалилась. Мы-то обязательно будем продолжать работать с народными песнями — все-таки нас можно считать родоначальниками этого направления в нашей стране. Был период, когда мне эта идея надоела,

Я СЧИТАЮ, ЧТО КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕПРАВИЛЬНО СЕБЯ ЗАГОНЯТЬ В РАМКИ ФОРМАТА. НЕВОЗМОЖНО СЛУШАТЬ ЭТОТ НАБОР ИЗ 15 ПЕСЕН, КОГДА ЗАРАНЕЕ ЗНАЕШЬ, В КАКОЕ ВРЕМЯ КАКАЯ ПЕСНЯ ПРОЗВУЧИТ В ЭФИРЕ. ЭТО НЕ ПРОСТО СКУЧНО, А ДАЖЕ ПРОТИВНО. ЗА ПРОШЕДШИЕ ГОДЫ МОЖНО ПО ПАЛЬЦАМ ПЕРЕСЧИТАТЬ, ЧТО НОВОГО ПОЯВИЛОСЬ В ЭФИРЕ

но сейчас, с новыми музыкантами, это приобретает новые формы, опять стало интересно.

Сейчас у вас много новых песен?

Все новые. Правда, Сергей Калачев считает, что нельзя огорчать публику и хотя бы парочку старых песен на концерте надо сыграть.

Вы с музыкантами вместе продумываете, как будут звучать песни?

Сначала я сама делаю демоверсию на домашнем компьютере. Продумываю форму, планирую, где будет чье соло, приношу и даю всем послушать на дисках. А потом на основе этого мы де-

лаем песню, и в результате часто все меняется. Есть песни, которые вообще ничего общего не имеют с моим первоначальным планом.

Вас сейчас привлекает жесткое звучание, электроника?

Так получилось, потому что такие люди собрались вокруг,

Я могу сочинить форму, но звук все равно музыканты придумают. Интерес к звуку вообще, в том числе и к электронному, у меня пробудился в результате работы с проектом «Malegia» — жаль, что это сотрудничество ограничилось одним концертом, это был первый опыт работы с электроникой. Раньше я о звуке не думала вообще. А у Аркадия Марто огромный арсенал звуков. Его на самом деле нельзя назвать клавишником — он играет не на клавишах, а на звуках!

Что вам дал опыт работы музыкальным редактором на телеканале?

Понимание слова «формат». Мне стало понятно, почему какие-то группы никогда не появятся ни на телевидении, ни на радио. Из-за этого у меня испортились отношения с массой людей. Ведь я не могла приглашать для живых программ коллективы, которые не вписывались в формат. Хотя все равно я рисковала и делала это в обход начальства, за что получала по башке. Формат, например, не предполагал появление группы «Троица», потому что в то время ограничивался исключительно русским роком. Впрочем, у нас с началом были разногласия и в отношении этого термина, я его куда шире понимала. Но вообще от меня мало что зависело. Я входила в так называемый худсовет, принимавший или отклонявший видеоклипы, но он собирался только тогда, когда программный директор сильно сомневался в чем-то. Я считаю, что категорически неправильно себя загонять в рамки формата. Невозможно слушать этот набор из 15 песен, когда заранее знаешь, в какое время какая песня прозвучит в эфире. Это не просто скучно, а даже противно. За прошедшие годы можно по пальцам пересчитать, что нового появилось в эфире.

Откуда вы сейчас узнаете о новых интересных музыкантах?

Сейчас — ниоткуда. По большому счету я не фанат музыки, не слушатель. Я не знаю, что нового для себя могу услышать. Есть коллективы, которые заслуживают внимания, для которых хочется что-то сделать, но их мало. ГАЗЕТА